

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Е. Б. ВАХТАНГОВА.

Выдающийся мастер советского театра

Сегодня исполняется 75 лет со дня рождения выдающегося театрального деятеля Евгения Богратионовича Вахтангова.

С именем Вахтангова связана не только история театра, носящего

Е. Б. Вахтангов.

его имя, — он оказал большое влияние на развитие всего советского театрального искусства.

Вахтанговское в театре — это ясность идейных устремлений, романтическая взволнованность и яркая театральность, которая является не самоцелью, а средством раскрытия содержания в яркой, увлекательной художественной форме.

Как режиссер Вахтангов сформировался под влиянием прогрессивного искусства Московского Художественного театра, он был ближайшим учеником исоратником К. С. Станиславского, который все-

гда возлагал на Вахтангова большие надежды. В свою очередь Евгений Богратионович был страстным пропагандистом системы Станиславского.

В театре, в творческой деятельности Вахтангов видел общественное служение народу.

Вахтангов был в числе первых прогрессивных деятелей искусства, полностью принявших революцию. Он воспринял ее как крупнейшее радостное историческое событие в жизни народа. Она открыла и оплодотворила Вахтангова как художника.

Отсутствие полноценного современного репертуара мешало Вахтангову во весь голос высказать свое отношение к новой эпохе, в которую вошло человечество после революции. И все же в этапном для Вахтангова спектакле «Принцесса Турандот» (1922) ясно проявилось огромное жизнелюбие, оптимистическое, радостное восприятие им действительности.

Всей силой своего таланта Вахтангов стремился подарить новому зрителю искусство солнечное и праздничное.

Театр им. Е. Вахтангова бережно сохраняет традиции и заветы своего учителя. Творческий коллектив прошел большой и сложный путь. На пути этом были и крупные победы и поражения, но театр всегда сохранял неповторимость и своеобразие своего творческого почерка. Лучшие его спектакли были вахтанговскими в широком понимании этого определения — глубоко идейными, романтически-приподнятыми, отличающимися яркой театральностью и большой силой эмоционального воздействия.

Сегодня мы публикуем с небольшими сокращениями статью Е. Б. Вахтангова «С художника спросится...».

С художника спросится...

Евг. ВАХТАНГОВ

Революция красной линией разделила мир на «старое» и «новое». Нет такого уголка жизни человеческой, где не прошла бы эта линия, и нет такого человека, который так или иначе не почувствовал бы ее. Люди, желающие остаться в старом и защищающие это старое (вплоть до оружия), люди, приемлющие новое и также защищающие это новое (вплоть до оружия), выходящие результатов борьбы этих двух, так сказать, «пассивно приспосабливающиеся», — вот три категории (людей), резко оформленные резкой линией революции. Материальная, духовная, душевная, интеллектуальная стороны жизни человеческой взбудоражены ураганом, подобного которому нет в истории Земли. Вихрь его все дальше и дальше, все шире и шире раскидывает истребительный огонь. Ветхие постройки человечества сжигаются. Растет круг, охваченный пожаром обновления. А все еще есть наивные люди, чающие прибавки пожарной команды, способной погасить огонь, веками таившийся в недрах народных... Хотя бы взяла на себя труд взглянуть на страницы книг, рассказывающих не историю паря, а жизнь многоликого существа, имя которого — народ. Это он своими руками возносит личность на вершины жизни, и это он несет гибель оторвавшимся от него. Это он вскрывает кратер своей необъятной души и выбрасывает лаву, веками копившуюся в грозном молчании. Вы принимали это молчание за недомыслие. Вам казалось в порядке вещей ваше крикливое благополучие рядом с его молча-

ливой нищетой. А вот он крикнул. Вот он прорезал толщу молчания. Крикнул в мир. И крик его — лава, крик его — огонь. Это его крик — Революция. А когда идет она, выходящая красными следами своих ураганных шагов линию, делящую мир на «до» и «после», как может она не коснуться сердца художника? Как может ухо художника, услышав крик в мир, не понять, чей это крик? Как может душа художника не почувствовать, что «новое», только что им созданное, но созданное «до» Нее, уже стало «старым» сейчас же после первого шага Ее? Если то, что создано в старом, — прекрасно, то надо нести его в народ, ибо потому и перестал молчать народ, что это прекрасное всегда от него скрывалось, ибо сейчас он требует вернуть взятое у него же. У человечества нет ни одного истинного великого произведения искусства, которое не было бы олицетворенным завершением творческих сил самого народа, ибо истинно великое всегда подслушано художником в душе народной.

Когда приходит Революция, — а она приходит тогда, когда истинно прекрасное во всех областях жизни становится достоянием немногих, — это значит: народ требует вернуть ему его же. Художнику не надо бояться за свое творение: если оно истинно прекрасное, народ сам сохранил его и оберегает. Есть в народе

эта необычайная чуткость. Должен художника сделать это.

Но это не все.

Если художник хочет творить «новое», творить после того, как пришла она, Революция, то он должен творить «вместе» с народом. Ни для него, ни ради него, ни вне его, а вместе с ним. Чтобы создать новое и одержать победу, художнику нужна Антесва земля. Народ — вот эта земля.

Только народ творит, только он несет и творческую силу и зерно будущего творенья. Грех перед своей жизнью совершает художник, не черпающий этой силы и не ищущий этого зерна. Душа художника должна идти навстречу народной душе...

В голосе народном, где слышен вековой осадок кристаллов души народной, в этом драгоценном звучании веками отлагавшихся богатств человеческих чувств, действительно пережитых народом, в этом насыщенном вековой мудростью океане, где каждый виденный солнцем оставил бесмертную часть себя, ту часть, которую он носил в себе и ради несения которой рожден был видеть солнце, здесь в голосе народном должен был учуять художник живой огонь своих устремлений к небу.

Если художник избран нести искру Бессмертия, то пусть он устремит глаза своей души в народ, ибо то, что сложилось в народе, — бессмертно. А народ творит сейчас новые формы жизни. Творит через Революцию, ибо не было у него и нет других средств кричать миру о Несправедливости.

1919 г.